

Старики

У деда Прони захворала бабка! Сухая и скорая на подъём, работающая, добрая, некрикливая, всегда встающая раньше него, вдруг, раз! — и не поднялась утром. Он вначале даже не заметил, по привычке быстро одевшись и выскочив до «ветру», но, когда «управившись», зашёл домой, то, чур: что-то не так! Спали они уже лет двадцать порознь, как он говорил: «Уже не помню, когда!» Дед — любитель тепла, устраивался на печке, бабка, не любящая духоты — в дальней тёмной комнате. Как она умудрялась вставать до зари, он не понимал, ведь там не было окон, и «ночь» длилась сутки. Наверное, по природному чутью или внутренним часам, по науке.

Сегодня же его знаменитая, одна на всю деревню полурусская печь ещё не гудит, принося в дом тепло и уют. Дед осторожно вошёл в бабкину комнату и, елозя рукой по стене в поисках выключателя, ележно проговорил:

— Ты чё, старая, проспала подъём? Я же тебя просил, ложись где-нибудь на свету...

Из дальнего угла послышался её слабый, какой-то виноватый голос:

— Дед, иди возьми спички, а то убьёшься об стол...

Дед уже ткнулся бедром в угол стола и, беззлобно матерясь про себя, вышел в кухню и взял спички. Выключатель оказался на противоположной стене, около кровати. Он включил свет и удивился, как всё здесь незнакомо.

Он помнил эту комнату в те времена, когда были ещё маленькими дети, тогда, по «евоному», выключатель был около дверей. Он совсем забыл, что перенёс его сюда с соседом-электриком, ныне покойным, Петром по просьбе тогда ещё крепкой жены своей в 1985 году, когда младший ушёл в армию. Старший тогда заканчивал учёбу в морском институте, и она всё чаще ночевала в этой комнате из-за страшного мужнина храпа.

— Что мне, из-за разовой двадцатиминутной «радости» всю неделю его свист слушать? Ну, уж нет — надо будет, позовёт, а так хоть выспаться буду!

Ежедневные заботы убивали желания, и уже очень скоро стали они жить по разным сторонам одной избы, встречаясь только на кухне.

В комнате оказалось как-то уютно, и даже отсутствие окна не портило этого впечатления. Половички, сплетённые из разноцветных тряпичных полосочек — на полу; белые и светло-голубые, похожие на снежинки, салфетки

— на столе, на трюмо с тёмным зеркалом и на старом огромном чёрно-белом, давно «слепом» телевизоре на безногой тумбочке. Над кроватью, на цветном с горным пейзажем ковре — фотографии. Чуть выше опять они — старинные с одинокими дородными женщинами и усатыми сидячими мужчинами (бабки и деды по обе линии), посередке — свои: почти с детства до свадьбы и дальше, а ниже всех — современные, какие-то несерьёзные, мелкие, всё больше цветные.

В левом от кровати углу, под потолком небольшой иконостас с потемневшим от времени и забот ликом Николая Чудотворца, обставленный с обеих сторон иконками чуть поменьше. Снизу под полочкой — висячая красивая лампадка с чуть заметным, на удивление живым, огоньком. А за лампадкой, что деда покорило, — большие фотографии его детей: старшего, сильно похожего на Проню в юности, и младшего, наоборот — вылитая мать! Иконостас сверху задёргивался «грешной» занавеской на леске, но сейчас она была собрана в углу...

Поборбóв малодушное желание перекрестится, дед повёл взгляд дальше, знакомясь со всем, как бы впервые.

На фоне чистых, два раза в год белёных, стен — огромный, ещё хрущёвский, шифоньер с плавными углами, жёлтыми торчащими ручками и мутным зеркалом. И среди

этой чистоты и серьёзности — маленькая голова жены, повязанная по ресницы белым простым платочком, её лицо, иссечённое временем.

— Ты что это, старая? — Проня склонился над кроватью, — захворала? Ты, поди, простыла, я думаю, вот и заболела. И что болит? — он приготовился слушать историю болезни.

Бабка открыла чуть красные глаза и тихо сказала:

— Ничего...

— Это как? Не чувствуешь?

— Это — ничего не болит. Просто встать не могу, слабость.

Дед, не знакомый с понятием «слабость», усмехнулся и, махнув рукой, заключил: «Заболела!»

— Я печку налāju, пельменей тебе сварю и сбегая к фельдшеру, пускай придёт тебя потрогат. И фельдшер — баба, она ваши болезни знает, не то, что наши!

Бабка закрыла глаза, а он пошёл топить печь, вспоминая случай, произошедший с ним лет пять, нет, десять, назад...

... Кум его, Федор Ильич, сосед через огород, позвал его в гости просто так, от души. В процессе опробования вчерашнего самогона, после третьего полстакана, кум вспомнил, что перестелил полы в стайке у скота.

— Знаешь, — хвастал он, — сейчас пол я настелил с уклоном в пять градусов, и все отходы скотские очень легко убирать: жидкие стекают сами, а твёрдые, подтолкнул чуток лопаткой и — в канавку. Потом грузи в тележку и увози.

Проня, конечно, похвалил его, но кум настоял посмотреть. Когда зашли, его коровы как раз недавно опорожнились, и Проня, на грех в кирзачах, скользнул одной ногой и сел почти на шпагат. Между ног, в паху, что-то хрустнуло, но, разгоряченный алкоголем, он значения не придал. Однако утром встать не смог от сильной боли, вызвали фельдшерницу — тогда ещё совсем молодую дородную девушку.

Разговор Прони и врачи потом живо пересказывал всем кум, в принципе, сам во всём и виноватый.

— И вот заплывает она, большая, как баржа, моет руки и подходит к Проне. А я смотрю на него и вижу: начал он сомневаться в правильности хода. Говорит ей: «Не надо, уходи». А она: «Почему это? Будьте любезны, уж покажите, что болит», и стягивает с него одеяло. Проня глаза вылупил, одеяло руками держит и орёт, что у него там ничего нет, чего, мол, смотреть? Она — в непонятках: «Я врач, меня стесняться нельзя, к тому же я уже всё это видела раньше!» А он: «Вот у кого видела, у того и лечи!» Она ему: «Вот вы могли там что-то потянуть, и это повлияет на вашу половую репродуктивность». И опять одеяло тащит. А Проня от этих слов вообще ошалел! Откуда же он знал, что у него там вместо того, что есть, — половая репродуктивность! Он, ажно всплакнув немного, говорит: «Если эта репродуктивность не перестанет болеть, я сам в больницу к хирургу поеду, а сейчас ослобони от греха, уйди». Она стоит и головой качает: «Зря вы так, я бы смогла вам помочь». А он с визгом в ответ: «Я со своей бабушкой сорок лет живу, она и то мне уже не поможет!» Врачиха ему: «Вы что имеете в виду?» А он ей: «А вы?» Плюнула она: «Ну, и болейте!» И ушла. Вытер Проня пот с лица, выпросил у меня самогону на втирания, и через неделю бегал, как конь, по деревне...

Дед, улыбаясь воспоминаниям, растопил печь, сварил штук двадцать пельменей и поставил в тарелке остывать. Вспомнил, что бабка любит пельмени с хренодером, нашёл его в поллитровой баночке под порогом и

положил на пельмени горку. В стакан налил настоявшегося чая из душицы и понёс бабке. Поставил всё около кровати на стул и повторил:

— Ешь, я за врачом пойду.

Она открыла глаза и еле слышно ответила:

— Хорошо. Иди. Я поем...

* * *

Жизнь Проня помнил до 90-х. В деревне было весело и хорошо! Все жили как бы одной семьей и знали своё дело: работали на ферме, сажали огороды и даже строили жильё. И от этого было спокойно. Всякие неурядицы решали сообща. По крайней мере были объединены, пускай чуть утопической, но целью, пускай не слишком настоящими, но правилами. Потом вдруг как-то быстро, совершенно непонятно для большинства, стало плохо: не нужно, не важно, не выгодно. За несколько лет развалили то, что строили почти столетие. Дети из города писали всё больше о страшном, а они с бабушкой, как могли, помогали им. Старший в 90-х уехал на Восток, младший подался в бизнес...

Проня подошёл к больнице и, тщательно обметая ноги, вошёл. Врачица, как обычно, хотела пошутить, но, посмотрев ему в лицо, не стала.

Проня, переведя дух, начал:

— Бабка моя что-то захандрила, не встала сегодня. Говорит, устала, а что это за болезнь? Вот и я говорю, простыла, поди. Ты приди, — он окинул взглядом большую врачиху, — приди дочка, посмотри её. А я уж тебе картошечки, огурчиков солёных, помидорчиков...

Врачиха улыбнулась и пообещала. Дед вышел...

... Старший стал моряком, помощником капитана, потом капитаном. Сообщал о себе редко, но метко. За двадцать лет приезжал три раза.

Младший, резво начав бизнес, во время дефолта прогорел. Где-то прятался от долгов, изредка присылал письма. А в 99-м, весной, пришло последнее, где он написал, что устроился на хорошую работу где-то далеко. Написал, чтобы не волновались и не искали, и что он обязательно скоро приедет. Всё, с тех пор — ни слуху, ни духу. И судьба теперь их — ждать.

Мир двух старых людей ограничился домом, огородом и хозяйством.

За дом отвечала бабушка, за хозяйство — дед, огород — общий.

Кошка отходила к дому, к хозяйству — старая лошадь, по годам конским — ровесница дедов, и собака, тоже старая, проведшая жизнь на цепи, охраняя

хозяйство. И всё. Даже телевизора — друга всех стариков России — не было. Однажды дед посмотрел, как убивали солдат в Чечне. Ошарашенный увиденным, вырвал из него шнур, а на вопрос бабушки ответил:

— Не могу судить, но, смотря такое, могу согрешить. — Что он имел в виду, она не поняла, но решение его приняла...

И остался у них от мира маленький телефон, по которому раз в месяц-два звонил им старший сын.

Бабушка лежала так же, как утром. Пельмени уже подсохли, чай совсем остыл.

— Ты чего не ешь? — дед нагнулся над её лицом и, ощутив прохладу, испугался. Но когда уже хотел закричать, она вдруг открыла глаза и чуть улыбнулась.

— Я хотела поесть, только повернулась на бок, голова кружится, думаю, протяну руку и скувыркну на пол...

Дед понял свой промах, разделся, помыл руки, и, подпихнув бабушке под спину подушку, стал кормить её, как маленькую. Но только она была действительно слабой, и жевать пельмень не смогла. Дед растерянно смотрел, потом подобрав пельмень, выпавший из её рта, участливо спросил:

— Может, я пожую? Как ты?.. — бабушка закрыла глаза и прошептала: — Пить!

Дед поднёс стакан с чаем, но, наклоня его, не смог унять дрожь в руках и почти всё вылил ей на грудь. «Что же это?» — он вздохнул и хотел повторить, но бабушка отказалась: «Хватит».

«Может, соску? — с отчаяньем думал он, чувствуя, как закипают слёзы в глазах, — нет, лучше соседку попрошу!»

— Я сейчас управлюсь по хозяйству, врачаха придёт, может, чё посоветует. Ну, а потом уже посмотрим, что делать.

Бабка снова еле заметно шевельнула головой, и он, чуть успокоенный, вышел...

* * *

В кухне неуютно. Вроде, всё, как обычно: чисто, тепло от печи, ещё не мусорно после вчерашней бабушкиной уборки. Но на столе — нож не на месте, кастрюля с плавающим в ней забытым пельменем, открытая банка хренодера. Дед сиротливо оглянулся на дверь и с опаской подумал: «А вдруг помрёт?» —

и, уже не стесняясь, перекрестился, добавив: «Не дай, Господи, не позволь, Отец родной!..»

Потом покрошил в пельменный бульон чуть подсохшего хлеба, и, посомневавшись, для полноты — вчерашнего варёного картофеля, пошёл «управляться». Собака, поняв, что идут к ней, вылезла из будки и, натянув цепь, задорно завиляла хвостом, болтаясь от этого вся. Её, маленьким нескладным щенком, подобрал дед лет пятнадцать назад, назвал за длинноту и нескладность Воблой и, после «детской» месячной верёвочки, определил на цепь. Она честно несла службу, звонко лая на чужих, и по ночам, регулярно, два раза в год, «неизвестно откуда», приносила щенят, которых по просьбе деда за бутылку топили местные алкаши. Сам Проня очень переживал по этому поводу, но оправдывал себя тем, что пока слепые, они без души, попутно стыдя за такую распутность Воблу. Вобла все понимала, но сделать ничего не могла — и всё повторялось. А вот теперь, думал Проня, и надо бы щеночка, но собака, как назло, уже года три, а то и пять, без помётов.

Он поставил чашку около будки и назидательно сказал: «Всё съешь — чашку унесу, а то остынет». Вобла поняла, поблагодарила деда: «Ахва» — и стала есть.

Проня улыбнулся и пошёл к главной своей любви (после бабки) — старой лошади, которую очень давно назвал Сказкой.

* * *

Он купил её у молодого, нечистого на руку, разбитного весёлого ветеринара. Купил 30 декабря 1966 года, когда вместе с ним обмывали рождение второго сына. Ветеринар пьяно доказывал Проне, что лошадь ему сейчас очень нужна:

— У тебя же теперь два сына! И покос нужен большой, и дрова, чтобы тепло им было. А трактора нынче не допросишься! — и он убедительно мотал указательным пальцем у Прони перед глазами. — А подрастут, научишь их джигитовать, — он опять закрутил пальцем перед лицом, — и будут они сильные и смелые! — Проне очень хотелось отломить этот палец, но последний аргумент его убедил, и он согласился, от «греха подальше»...

— Только скажи, а где ты взял жеребёнка, сам сподобил или его твоя корова отелила?

Ветеринар хмурил лоб, вспоминая, откуда у него жеребёнок, если лошади своей нет, но придумать ничего не смог. Сошлись на том, что это из соседней деревни, и за десять полновесных червонцев Проня перетащил от ветеринара завёрнутого в тряпку жеребёнка, который к тому же оказался жеребухой.

Получилось так, что Сказку, родившуюся в колхозном стаде от крепкой кобылы Речки и украденную ветеринаром, Проня увидел и полюбил, пускай меньше, но раньше сына, которого уже звал Захар!

31-го он прекратил пить, и 1 января колхозная «скорая» привезла домой его сына! Проня затащил его в дом, размотал все тряпки и с упоением смотрел на орущее чудо с перевязанным поперёк животом, с маленькими кукольными ручками и ножками и с этим, ни с чем не сравнимым, запахом сладкой прелости и женского молока! Потом целовал и обнимал Капу, благодаря её за это, ещё одно в его жизни, чудо. В общем, теперь уже по-

трезвому, порадовались все вместе новому человеку и, внятно объяснив сыну Фёдору, кто для него Захар, стали жить!..

Дед вошёл в тёплый, светлый и чистый сарай и сразу увидел Сказку, уже стоявшую посреди загона. Она, конечно, узнала хозяина и, немного похрапывая, запряла ушами.

— Ну-ну, милая, — дед обнял её за шею, прислонившись головами, они несколько секунд постояли. Она, тоже соблюдая какой-то старый ритуал, замерла, чуть вздрагивая кожей и прикрывая слезящиеся глаза. — Ладно, давай завтракать.

Дед подтащил два ведра и открыл оба. Одно — почти полное грубо мятой картошки, второе — до половины запаренного подсолнечного жмыха.

Он поставил и назидательно, как человеку, сказал:

— Доешь — отдохай. В обед водички принесу с дрожжами и ещё чего-нибудь вкусного. Просто сейчас некогда, бабка на грех заболела. Боюсь за неё очень, не отошла бы, а то, вредная, засобирается — не отговоришь. — И, услышав редкий лай Воблы, быстро вышел. Это действительно была врач, или, по дедову, — врачца.

* * *

Она, стоявшая, как солдат, с фельдшерской сумкой через плечо, действительно, казалась надёжной и крепкой. Дед, ещё раз посмотрев на неё, подумал: «Здорова. Должна, поди, всё равно что-нибудь понимать», — и заспешил навстречу.

— Ты скажи, милая, что это за болезнь: «устала»? Нету такой болезни, хоть убей! Вот грипп там, простуда, хондроз, в конце концов... Даже пускай аппендикс, опять-же, а она — «усталость». Скажи, чтоб не дурила, а то залежится, так постель не отпустит. У нас вон «знакомец» Толя Горобец: пока работал — хоть бы что! А на пенсию решил уйти: выспаться, отдохнуть, так через полгода сложился от неизвестной болезни! Вот это да! А я думаю, работал бы на своем тракторе, так и ничего бы не случилось, ещё бы скрипел...

Врач шла следом за семенящим и болтающим дедом и, улыбаясь, вспоминала, как один раз в жизни хотела его полечить тогда, давно — уже и не вспомнить, когда...

Войдя в натопленный чистый дом, разделась у порога. Бабу Капу она сразу и не заметила, таким маленьким было её личико на фоне подушки. Дед что-то ещё хотел посоветовать, но фельдшер строго ему сказала: «Уйди», — и для верности показала рукой. Дед, растерявшись, быстро вышел в кухню. Он из-за чуть приоткрытой двери прислушивался к разговору с таким вниманием, что с испугом услышал шум сердца, только не в груди, а где-то в горле. Чтобы не разволноваться, сел за стол и вспомнил, что сегодня ещё не ел.

— Надо перекусить, а то сам истощаю!

Он достал вчерашний, тёплый на печи картофель, из-под порога — солонину и трёхлитровую банку простокваши, отрезал добрый кусок белого хлеба и стал с аппетитом есть, запивая вкусным, чуть кислым питьём. Когда вышла доктор, дед был сыт и готов слушать историю болезни. Она села напротив и, облокотясь, заняла сразу полстола. Дед, подождав минутку для «порядку», уже хотел открыть рот, но врачца опередила:

— Она здорова. Почти совершенно для семидесятитрехлетней женщины.

Дед, усомнясь, поинтересовался:

— Дык чё с ней?

— Устала, — и, чтобы он не перечил, начала говорить: — Устала. Устала от работы, от однообразия жизни, от трудностей, от мыслей и от памяти в конце концов. Как получилось, что, оставшись вдвоём, вы стали жить отдельно, дед? У каждого свой мирок, своё жильё, дела. Так нельзя, вообще, поэтому она и не выдержала. Сейчас только ты сможешь её поднять, помочь ей, обрадовать чем-то. И надо, чтобы сын ваш приехал, хоть как. Она тоскует по нему, боится за него и не может тебе об этом сказать. Вы, словно, чужие, пойми. Стань снова человеком родным, внимательным и понятным ей...

молчал.

— И ещё: купи, что ли, телевизор. Сделай дом немного живее. Немного... — и вышла. Дед вдруг понял, что она права. Ведь, действительно, никакой жизни сейчас у них нет! Он ясно помнил, как ещё вчера, с отцом и матерью, в новых яловых сапогах и в чёрном шерстяном пиджаке на красную рубашу, сватался к Капе. И даже немного раньше, когда ходили с нею в холодном августе по деревне, и он рвал ей в чужих огородах последние, самые дорогие, цветы. И бедную, но громкую — на всю деревню — свадьбу с медными кольцами и тройками по мелкому ноябрьскому снегу. И время безудержной любви, когда бежал с работы домой, страшно соскучившись по желанной и любимой теперь уже жене. Потом — рождение первенца, упоение и восторг от незнакомых раньше отцовских чувств, постройка своего дома — и дальше, дальше...

Второй сын родился, когда чувства уже немного поостыли, и их снова на какое-то время окрылила любовь...

А потом работа, работа, работа.

Время летело настолько быстро, жизнь проходила так суетно, что иногда, вспоминая о чём-то, случившемся два-три года назад, он пугался. Казалось, что заметное событие было месяц, два назад, а пролетело уже...

Но было и наоборот: дни, когда время вставало забором, когда думаешь: «Скорее бы всё это кончилось...»

Дед отогнал печальные мысли, встал, заглянул на секунду к жене и, увидев, что она спит, пошёл поить лошадь.

* * *

Сказка! Длинноногая, поджарая, с блестящей, чёрной с отливом шкурой и белым пятном на лбу под чёлкой. Маленький Захар оставлял родителям совсем мало свободного времени. Но, всё равно, несколько раз в день Проня прибегал в сарай, где кормил, поил своей любимицу и просто разговаривал с нею.

Сказка не знала матери, и он старался ей её заменить: протирал мягкой тёркой шкуру, расчёсывал чёлку и гриву, летом водил на уздечке в поле, где отпускал, и они играли в догонялки. И она, действительно, понимала, что надо делать, и догоняла Проню, тыкаясь в него мордой...

Когда им исполнилось пять (Захару и Сказке), на неё в первый раз надели седло, и она, не понимая, в чём дело, бегала по заснеженному огороду, падая и кувыркаясь, пытаясь сбросить ненавистную тяжесть. А они с сыном наблюдали за ней из ограды, восхищаясь её силой и резвостью...

Через день, не вешая на неё мешки, как делают почти всегда, объезжая лошадей, Проня, поговорив со Сказкой ласково и убедительно, сам сел в седло! Она брыкалась, вставала в свечку, но, чувствуя, что на ней человек, не падала на землю, и, покрутившись, во весь опор пошла из деревни по накатанной тракторами дороге.

Проня не держал её, и лошадь, сначала в галоп, потом в карьер, несла его в поля. Домой он вернулся под утро, ведя в поводу Сказку, покорную и признавшую его силу.

Но всё это ещё больше сблизило их. Она совершенно спокойно сейчас давала себя оседлать, и Проня, доверяя, не надевал удила, не ломая ей железом зубы и не рая рот. В общем, она стала ему настоящей помощницей и даже больше — другом...

... Лошадь стояла с закрытыми глазами, с безвольно опущенными ушами и, как обычно, не толкнула его головой.

— Что ты, милая, что с тобой? — Проня за шею обнял её, глядя по осыпающейся шкуре. Сказка даже не вздрагивала.

— Сказка, что случилось-то, Господи?

Лошадь вдруг потянула вверх морду и протяжно, с каким-то стоном, выдохнула. Вот не было печали! Дед суетливо пытался заставить её попить, поднимая ведро и окуная её морду в воду. Сказка не отворачивалась, но и не подавала признаков жизни.

— Да что же это на меня валится всё к одному?! — дед поставил ведро и побежал к ветеринару.

* * *

Ветеринар, точнее теперь пенсионер, жил в старом облезлом доме, окружённом полутораметровым тесовым забором, не знавшим краски и от времени почерневшем. Жил он легко и весело, поэтому в старости остался вдруг один. Но совершенно не расстраивался по этому поводу, чем злил Проню. Часто, выпив понемногу, они начинали спорить «за жизнь», в оконцовке доходя до ругани.

— Чего ты один живёшь, как сыч? Ведь сломаешься, некому будет тебя покормить, помыть...

— А ты? — спрашивал серьёзно ветеринар.

— Что я? У меня своих забот полон рот, ещё из-под тебя выноси? Вон поезжай в соседнюю деревню, там бабок пруд пруди. Кто-нибудь да поедет к тебе, хотя возьми меня в проводники, я бы... — и Проня с отчаянием махал рукой.

Ветеринар был на пять лет младше соседа и с иронией признавал его старшинство. Он обычно начинал рассуждать:

— Тебе легко сказать, ты свою полста лет знаешь, а я кого привезу?.. Откуда угадаю, может, она раньше меня ослабнет и сляжет, так тогда мне за ней ходить? А помоложе возьму, вдруг приставать начнёт, мне тебя звать на помощь, что ли? Да и то неизвестно, может, и вдвоём не справимся, вообще тогда на смех поднимут...

Проня подошёл, еле пропихнул осевшую калитку и заскочил по низкому крыльцу в дом.

Ветеринар сидел на маленькой табуретке и строжил над лежавшей на полovice огромной кошкой. Подняв глаза и, кивнув Проне, сосед продолжал:

— Ладно, молоком тебя пою, понятно. Но почему ты решила, что я и мышей за тебя ловить буду, а?

Кошка, растянувшись, сыто перекадилась с боку на бок и зевнула в ожидании, когда ей почешут живот.

Проня плюнув, перешагнул через неё в кухню, сел, опершись руками на колени, и, посмотрев внимательно на улыбающегося ветеринара, сообщил:

— Лошадь у меня заболела. Пойдём, посмотрим. Боюсь за неё. Стоит и словно не дышит, глаза закрыты, даже не вздрагивает... — у Прони навернулись слёзы, — она мне, как сестра, я столько с ней, мне её... — он запутался в словах и замолчал.

Ветеринар, помедлив, поднялся, отпихнул кошку и пересел к столу.

— Сосед, ты согласен, что я ветеринар?

Проня кивнул.

— Так вот, лошадь твоя уже не лошадь, а мамонт! Лошади столько не живут. Пойми, ей, наверно, уже лет сорок!

— Нет, она Захара моего ровесница, одноклассница с ним, на три дня старше. Ты же сам мне её продал, помнишь?

— Не помню! Не могу помнить то, что было почти полвека назад. Но знаю, то, что копь она живёт — это чудо: не может лошадь столько жить! И этой кобыле достаточно, она уже уснула и едва ли проснётся. Лошади Бог отпустил в среднем двадцать — двадцать пять лет — край. Не будь дураком!

— И что теперь? — Проня, не поднимая глаз, сжал на коленях руки, неотрывно глядя на них.

— Теперь, пока земля не промёрзла, копай яму, где её зако... — он взглянул на соседа и, поперхнувшись, закончил: — похоронишь. Заметь, не на скотомогильник предлагаю. Я помогу, в конце концов. Не лечится старость ни у людей, ни у животных, ни у кого...

Ветеринар замолчал. Проня встал, надел шапку, постояв в дверях, не поворачиваясь, переспросил: «Поможешь?» — и вышел.

По дороге зашёл к подруге жены — Катерине, по прозвищу Вещунья. Так её звали люди за нехорошую привычку придумывать трудности. Например, собираются бабы в лес, а она начинает:

— Ой, бабоньки, а вдруг медведь в малиннике сластится? Ягода-то созрела, с ума сойдешь, сколько её. Что думаете, он — медведь — слепой, что ли?..

И так разрисует всё, что бабы уже и сомневаются, надо ли идти.

И так всегда, по любому поводу.

Но с Капой они были близки с детства, и он решил её попросить помочь.

— Чё говоришь, захворала? Лежит? А ты давно ушёл? Вдруг уже померла? — стрекотала она, одеваясь.

— Если будешь балаболить без толку, уж и не знаю, правда... — и вышел, чтобы поторопить её. Хорошо, что на улице было прохладно, и они быстро дошли до дома Прони, а то, если бы зацепилась с кем языком про «страшную Капину болезнь», неизвестно, во сколько бы пришли.

Катерина с порога проскочила к Капе. И по их весёлым голосам Проня понял: они рады друг другу. Катерина знала в их доме всё так же хорошо, как сама хозяйка, поэтому он сразу пошёл в сарай.

* * *

Сказка уже лежала. Лежала, не как отдыхающая лошадь, а как сдыхающая, закинув вверх морду и вытянув ноги со стёртыми копытами в сторону. Дед присел около неё и прижал пальцами толстую вену на шее.

Сердце молчало, не продавливая кровь в большое тело животного. Всё понимая, ладонью поднял веко и, как ему показалось, увидел огромный чёрный глаз, который вдруг засветился изнутри и сразу погас.

— Слава Богу, успел. — Проня склонился над лошадиной головой и вдруг гулко, с болью в груди, сжимая зубы, заплакал. Заплакал с безнадёжным отчаянием, забывшись и слёзно, как плачут только взрослые мужики...

Минут через десять приподнял лошади голову и подложил под неё свёрнутую попону. Встал, прошёл вглубь сарая и достал из давно пустующего куриного гнезда бутылку самогона и стакан. Вернулся к Сказке, сел рядом на солому и налил полстакана.

— Прощай, Сказка... прощай, прошедшая со мной целую жизнь. Прощай и не обессудь за то, что подчинял твою волю своей. Дед выпил и, склонив голову, опять заплакал.

* * *

... Когда в 99-м пришло последнее письмо от Захара, Проня поседел от горя и обиды.

— Да что я ему, чужой, что ли, почему ко мне не приехал? Вместе бы придумали что, — кричал он, пугая плачущую жену. — Скот бы продали, телегу, Сказку, — тут Проня запнулся и растерянно сел.

— Нет, но всё равно как-нибудь бы, а?

И он ударял пудовыми кулаками в самодельный кедровый стол.

Потом уже тихо говорил фотографии сына, улыбающегося отцу:

— Обидел ты меня, сын, ох, обидел. И трудно мне тебя будет простить за слабость твою...

Выйдя из дома, вскочил без седла на Сказку и, голыми пятками прижав бока, громко закричал:

— А ну, неси меня, Сказка, быстро, как можешь, чтобы выдуло обиду из души моей!
Целый день скакали они по полям и когда измученные вернулись домой, Проня сказал жене:

— Всё, мы решили ждать, — и виновато её обнял...

* * *

... Зайдя в дом, старик разулся, прошёл в комнату жены и приветливо улыбнулся.

— Ну, как вы? Всё хорошо?

Жена чуть слышно откликнулась:

— Да, теперь всё хорошо.

Катерина, махая руками, зачастила:

— Ой, да, Проня, всё нормально. Ты в вечер печь протопи, картохи достань, за молоком сходи, не забудь в магазин: хлеба запаси, может, ещё чё надо — посмотри. Да кусочек сала свиного достань, я решила картошечки надавить с салцем. Управиться, надеюсь, сам не забудешь, бабушкину работу тоже поделай всю, она же болеет. Ну, а потом можешь идти отдыхать, всё равно с тебя толку мало.

— А какой тебе ещё от меня толк нужен? — Проня с удивлением смотрел на Вещунью, — или живой воды в момент притащить?

Последние слова он произнёс с ехидцей и покрутил в воздухе расправленной пятерней.

— Да пошто, пошто? Живой не надо, теперь воде веры нет! Я её своей настоечкой недельку полечу, да ноги потом помажу, по лицу морщины разглажу, кости в бане прогрею — к весне сама она скажет, мол, не болею.

Бабка смешно тараторила, немножко подбоченясь и притопывая ногой.

— Ну, ладно, тогда начинаю по порядку. — Он надел волглые сапоги и пошёл за дровами. Занимаясь управой, упорно думал о лошади.

— Ну, что ж, дня два смогу её не морозить, пока холода нет. А потом в кол замёрзнет, что делать, такую яму выкопать?..

Потихоньку сделав всё «по списку», взял старый, с оттянутыми боками кошелёк и пошёл в магазин.

* * *

Проня жил здесь всегда, и, наверное, должен был бы знать всех. Но, нет: когда уходил от своего дома, стоящего на краю у леса, к центру деревни очень редко встречал знакомых. Оказывается, то, что было не надо совхозу — земли — очень оказалось надо городскому люду. Поэтому деревня превратилась в подобие дачного общества, где основное движение летом, а осенью и зимой — покой и тишина! И людей стало мало как раз тех, кого дед мало-мальски знал и помнил. Магазин он болезненно не любил, путаясь в ценах и товарах, поэтому за это всегда отвечала бабка. Однако когда приходилось ему, то он сразу

подходил к знакомой продавщице Наташе, дочери соседей, и всё ей наговаривал. Она весело набирала в крепкий старый рюкзак, что нужно, и рассчитывала его. И обязательно слышала от него традиционное: «Да, в наше время на эти деньги можно было мотоцикл (телевизор, шифоньер, холодильник) купить, а тут рюкзак неполный...» Сегодня на «эти деньги» можно было купить, почему-то, «домик с участком»... и ещё «с банькой в придачу!»

Высказав это, дед закинул за плечи рюкзак и прямой, в старании показать себя независимым от обстоятельств жизни, пошёл обратно. Попутно он решил зайти к братьям Ощепковым и попытаться их уговорить помочь похоронить лошадь. Братья эти жили вдвоём давно, были здоровы, нанимались на разные работы и при расчёте отдавали предпочтение «его величеству» самогону. На счастье они были дома и, как ни странно, совершенно трезвы. Поздоровавшись с Проней, закурили и, понимая, что ему что-то надо, начали первыми:

— Давай-давай, Вовка, не стой. Иди погреб закрывай, а то мороз: позамёрзнет всё, — старший показывал младшему рукой на ограду, — наработались на людей, самим бы зиму встретить... — Старший, с любопытством поглядывая на Проню, ожидая, когда тот заговорит.

— Серёж, я вот что... помогите яму выкопать. Вы двое, да мы с ветеринаром за день сроем. А потом закопаем и я рассчитаюсь...

— А зачем рыть-то, чтобы закопать? — Серёга, с непонятной кличкой Агонас, уверенно улыбался.

— Да лошадь надо похоронить, померла моя старая лошадь...

Серёга разинул рот от удивления:

— Это та, на которой ты нас с Захаркой ещё катал? Она что жива была? — он недоверчиво засмеялся.

— Да, та. Она у меня в сарае последнее время жила...

— Дак, может, её и закапывать не надо! Она уже, наверное, мумия, ей сто лет, поди... — он явно шутил.

Обиженный Проня возмутился:

— Поможете? Нет, тогда не надо. Других найду. А зубы скалить я тоже умею.

Подошёл слышавший разговор Вовка:

— Сколько дашь?

— Ну, — Проня, не зная расценок, задумался, — три литра самогона!

— Сколько?! — братья возмутились враз, — да это же кубов пять земли надо перелопатить! Потом ещё закопать. К тому же — лошадь! Ладно, тебя, не дай, Бог! — бесплатно устроим. А тут тварь бессловесная, тяжёлая, по вере непонятная. Может, её закапывать — грех. Может, её сжечь проще — и наших нет!

— Сколько надо? — Проня старался унять справедливую злость.

— Пять литров и 250 рубликов на курево, и завтра к вечеру твоя каурая обретёт вечный покой!

— Договорились. — Проня развернулся и быстро зашагал в сгущающихся сумерках домой. Уже «в области прямой видимости» дома к нему привязалась вольная собака, каких много по деревням. Она пристроилась за ним, противно тявкая, то, приближаясь, то, отставая. Её настойчивость возымела действие, и скоро за Проней бежало уже штук пять разномастных шавок. Он пожалел, что перестал носить недлинный самодельный кнут для подгона лошади. Обращаясь к противной собаке, убедительно пригрозил: «Как бы стеганул по ушам, из шкуры бы выпрыгнула, пустолайка!» Собака, увидев, что человек уже пришёл, потеряла интерес, и вся стая вместе с ней отстала.

Дед, включив свет в сарае, перевёл туда Воблу и, закрыв двери, пошёл домой.

«Чтобы крысы случаем не погрызли», — и, с трудом сдерживая слёзы, поднялся на крыльцо.

Ожидавшая Катерина, встретив, шёпотом заговорила:

— Лежит! Немного укусила картошечки толчёной и простоквашки полстаканчика выпила... — Потом, понизив голос до еле слышного и собрав брови на лбу, добавила, — и сходила по маленькому, чуть-чуть! Вишь, организм заработал! А ты говоришь, зря я тут...

— Да ничего я не говорю... Мне, хоть ночуй здесь.

Катерина косо глянула на Проню и опять прошептала:

— А мой?

— Что твой? — не понял Проня.

— Что мой скажет: ты же мужчина, а я...

Проня, прикрывая рот, засмеялся:

— Ладно, иди, гетера! В лучшее время не сподобились, сейчас и вовсе не надо!

Он дал ей маленький налобный фонарик и проводил до калитки.

— Управлюсь, завтра приду. Если мой отпустит... — она хитро засмеялась.

— Иди... с Богом! — Проня задвинул защёлку и пошёл в дом.

* * *

Агонасы пришли ни свет ни заря. Проня только-только успел растопить печь и вывести собаку из сарая. У каждого было по лопате и лом с приваренным топором.

Старший — в карьер:

— Ну и где, князь, место для друга, — он совершенно серьёзно смотрел на Проню, — черти размер.

Дед решил не обращать внимания на сарказм — сам же позвал, и наметил лопатой квадрат в два с половиной на два метра. Младший присвистнул, но упрямо воткнул лом в землю: «взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Старший предложил:

— Неси пол-литра и чуток закусить. Да беги по-быстрому за соседом, а то в троих не вытащим.

Проня выполнил пожелание братьев, а потом пошёл к ветеринару.

Тот опять разговаривал с кошкой. Проня не слышал, о чём сегодня, но возмутился:

— Ты что с ней базаришь целыми днями? Смотри, а то замячишь ненароком или она заговорит, что тоже может быть...

Ветеринар, не смущаясь, парировал.

— Ты же по-лошадиному не заржал, хотя свою Сказку больше бабки любил. Или можешь уже?

Проня, понимая, что говорит глупость, попытался смягчить разговор.

— Ладно, проехали. Ты обещал помочь Сказку похоронить, уже могилу роют...

Приходи через часа два, вытащим вместе...

Ветеринар, не отрывая влюблённых глаз от лежащей вверх пузом кошки, пообещал:

— Хорошо, приду. А поминки будут или мне поесть зараня?

— Будут! — Проня шумно выскочил за порог и со злостью плюнул под ноги. Придя домой, на крыльце увидел Ивана — мужа Катерины. Он недолюбливал его, считая, что тот сильно уж похож на свою бабу. И действительно, сосед был такой же шебутной.

— Попроведал Капу: бедная, болеет...

— Что же это она бедная — ты считал? А болеет, так выздоровеет: твоя Катерина кого хошь на ноги поставит! На тебя вон смотрю, ты уже лет тридцать в одной поре благодаря ей. Как в сорок постарел, так и в семьдесят такой же... — и Проня сдержанно усмехнулся.

Иван обиделся и, быстро проскочив мимо, пошёл домой.

К обеду яма была готова. Пришёл ветеринар, и они вчетвером, привязав лошадь за задние ноги, вытащили её из сарая. Встал вопрос, как её сваливать. Проня, сквозь слёзы, злился.

— Вы же понимаете, она упадёт на спину, ногами вверх. И что делать? Там тесно, не перевернём. Надо придумать, как аккуратно опустить...

— Вызови кран и опустишь, как надо. Или вертолёт, — чуть пьяные Агонасы даже не хотели думать. Им и так было хорошо.

Проня смерил глубину ямы и перевязал Сказку вожжами через брюхо: один конец на метр короче, второй привязал к старому, как сам, кривому клёну. Затем, перекрестившись, вместе с остальными подпихнули её в яму. Труп лошади, повиснув на вожжах, перевернулся брюхом вниз, и когда Проня обрезал их, мягко и по месту упал. Он поставил лестницу, спустился и подправил голову, вытянув её, сколько возможно вперёд, ноги подогнул одну за другой, как в бешеном беге. Присел около головы, подержал руку на лбу, не стесняясь слёз,

встал и, накрыв Сказку старой попоной, вылез наверх. Все, потрясённые серьёзностью Прони, молчали.

— Закапывайте, — и он отвернулся.

Через пятнадцать минут всё было сделано.

— Ладно, остальное — моё. — Проня отдал банку, из-под покупной воды, мутного самогона и деньги.

Агонасы ушли.

— Пойдём, старый, помянем мою ушедшую Сказку, — Проня, вытирая глаза, пошёл впереди, почему-то в баню.

* * *

— А чё ты в бане-то? — ветеринар, стоял, пригнувшись в низком предбаннике, глядя, как Проня торопливо нарезает на небольшом столе сало, достаёт хлеб и стаканы.

— Да, понимаешь, не хочу, чтобы бабка догадалась: кто её знает, вдруг расстроится. Она, как бы и так болеет, хуже может быть.

Они, молча, выпили по полстакана, заели салом с луком и чёрным хлебом. Проня, глядя на хлеб, вдруг вспомнил:

— Сказка очень любила хлеб с луком, поэтому, когда выпивал с мужиками, всегда терпела, ждала гостинец...

— Ты сейчас договоришься, что она ещё, поди, против была, когда ты выпивал? — ветеринар улыбался, поймав нахлынувшую от алкоголя тёплую волну, — может, она просила тебя соблюдать трезвый образ жизни?

— А ты что, думаешь, не так? Она вон всегда психовала, когда видела, что я пьяный. И нетерпимая становилась, и ругала меня помаленьку, даже брыкалась и кусалась...

— Ой, Проня, да это её наверно бабка настропала за тобой следить: они, бабы, друг с другом в любом обликии общий язык найдут!.. — Проня немножко сомневался, но в принципе был согласен.

После третьего полстакана он вспомнил про бабку и засуетился.

— Я пойду, проверю, как там у них, и вернусь, ещё посидим! — но ветеринар наотрез отказался оставаться в бане.

— Что я, как беспризорник, среди тазов и шаек буду серьёзным делом заниматься — поминать? Пошли уж ко мне, стол сподобим и посидим, как люди...

Проне, действительно, вдруг захотелось посидеть, поговорить за жизнь, повспоминать хорошее и, может, не дай Бог, не очень. Они вышли из бани и, шурясь на солнце, слепо перебрались через ограду, после чего ветеринар пошёл прямо, а Проня — проведать бабок.

У тех была полная идиллия. Капа сидела на кровати с подложенной под спину подушкой, а Катерина угощала её каким-то волшебным варевом, принесённым из дома. Зыркнув на замаранного землёй и глиной Проню, соседка по-хозяйски посоветовала ему «привести себя в чистый вид, а потом уж врываться к больной», на что Проня, рассудив, что это на руку, сказал: «Ага, чичас». Выйдя на стылую серую дорогу, он увидел, что ветеринар заворачивает к себе, и ускорил шаг.

У ветеринара было тепло и тоже, по-своему, уютно. Прожив большую часть жизни, с незначительными перерывами, один, он научился следить за собой. Достаточно сказать, что у него, едва ли не у единственного из местных, не включая новых русских, в доме был туалет.

Сделали его ветеринару калымщики, строившие огромный дом соседу-дачнику. Выпили они у него, как он говорил, пять литров крови и выбрали почти все деньги, отложенные на книжку за два года. Самому ему туалет не нравился, он любил «свободу духа», но туалетом гордился, прибав для порядку на дверь пластмассового мальчика без штанов с горшком в руках...

Проня снял сапоги и, пройдя в комнату, поставил на стол литровую бутылку самогона, положил булку хлеба и завёрнутый в белую тряпку кусок сала.

Ветеринар быстро, по-хозяйски ловко, собрал на стол. Глядя на аппетитную красоту деревенской пищи, Проня, сглотнув слюну, подумал, сможет ли сам так сытно жить без бабки? Ветеринар сел напротив и налил в стаканы. Выпили молча, взглянув друг на друга, как бы уже играя в настоящие поминки, и долго, теперь уже обстоятельно, ели.

— Послушай, сосед, а почему ты, правда, один, что тебе мешало взять и жениться или просто жить с бабой?

Ветеринар дожеввал хрустящую квашеную капусту и, глядя мимо Прони в окно, спросил:

— А вот, как меня зовут, скажи, Проня? Как?

Проня, действительно, растерялся и, нервно перебирая имена, пришедшие в голову, искал его имя.

— Не вспомнишь! А звать меня Виталя, Виталий Фомич Новицкий, собственной персоной. Причём, окончивший в 1964 году институт сельскохозяйский. Но не внушаю я доверия своим каким-то легкомысленным видом и не внушал. И ни первая, ни вторая, ни третья не любили меня, возможно, думая, что я ненадёжный. Хотя делал я всё для них, разрывался, только что дитя Господь не сподобил родить. Но они, пожив со мной, уходили к серьёзным, хозяйским, справедливо, наверно, ценя мужицкую прижимистость. А я — вот он. Душа — нараспашку: приходи, проси, помогу! То корова не растелится, то лошадь хромает, то свиньи не растут. Нужен всем, но, думают люди, что работа не такая уж и важная, и в благодарность обычно — бутылка. Совсем не брать нельзя, а самому не надо, вот и смеялся над собой всю жизнь, боясь заплакать. И думали все, что, мол, легко ему: «Смеётся, не грустит — как с гуся вода...»

Проня хотел что-то вставить, но ветеринар остановил его рукой.

— Вот и ты! Рядом жизнь прошла и почти всегда вместе, а ведь ни разу не спросил, как, мол, тебе, Виталя, живётся с твоим дойным гуртом и стадом молодняка. А бабы, они что — бабы! С ними никто, шутя, не проживёт — заплачет. Так и я...

Проня ничего не понял, но в словах ветеринара Виталя Фомича сквозила такая обида и боль, что слов успокоить его он не нашёл и, вздохнув, налил ещё.

— Давай, Виталя, выпьем, и прошу тебя, забудем обиды. И хоть жизнь уже к закату, постараемся понять другу друга и простить...

— Сильно, — мотнул головой Виталя, и они выпили...

Сегодня вспомнили они многое, о многом поговорили и поспорили.

Оказалось, что часто делали выводы, ничего не поняв, или понимали то, из чего выводов делать не надо было.

Разговаривали долго, раскрыв душу крепким Прониным первачём. А когда слова кончились, ветеринар достал здоровый баян и запел, вдруг душевно и красиво, так, что Проня заплакал, сквозь слёзы подпевая:

И шумит над полем, чисто скошенным, Ветер забияка и лихач, Я один остался, тобой брошенный, Но прошу тебя, уже по мне не плачь!

Потом он пьяно хвалил Виталя Фомича за его доброту и в конце упросил разрешения звать его просто Фомичом.

— Давай, это ведь по-нашему, по-простому. — Ветеринар согласился, и за это выпили на посошок. На улице ветеринар направил его лицом ко двору и сказал, что будет стоять, пока Проня не войдёт в дом.

Проня, сильно опьяневший от переживаний последних дней, упорно называл его Вита-Фомичом, тряс руку и благодарил за душевность. В конце концов, не сумев отцепить соседа, ветеринар проводил его и, заведя в дом, закрыл за ним двери. Проня, придя чуть в себя, очень

удивился, поняв, что вместо гостей находится дома. Чуть подумав, решил, что, скорее всего, в гостях он был вчера, разулся и, не вспомнив, зачем сегодня пил, уснул...

* * *

Кто же не знает, как время здорово лечит?! Как окутывает оно, время, неотложными заботами, проблемами, делами, мыслями душу человека,

успокаивает её, давая надежду на продолжение всего!.. Как плачет человек над чем-то, произошедшим сегодня, как переживает над тем же завтра, как тоскует послезавтра и как с трудом вспоминает через месяц. Не будь времени, не смогли бы сказать: «Всё плохое прошло или всё хорошее впереди! Не оставайся в прошлом, не гноби себя, ведь всё, что было, уже не исправишь. Оно прошло: горькое или нет, но прошло! Научись, не хороня и не презирая прошедшее, жить настоящим и стремиться к лучшему в будущем». Только так бесценный дар — время — лечит и помогает жить!

* * *

Проня открыл глаза. Ночь

— Во язви её, интересно ещё вечер или уже утро, а если утро какого дня?

Почему то начал сомневаться дома он или нет. Как-то неуютно совсем.

— Наверно у Ветеринара-Фомича, — но немножко посомневавшись понял, что неудобно из-за того, что одет. Одежда скомкалась на верх и пузу было холодно, а грудь вспотела.

— Вот же мерзость какая, хоть бы петух закукарекал что-ли, узнать ночь или утро. Да где, всех поистребили. Жив здоров буду, заведу петухов, и Фомичу дам для будильника!

Решил про себя, что он совсем не жадный, от нахлынувших чувств хотел всплакнуть, но передумал.

В ногах кто-то зашевелился. Кошка!

— Если моя — дома! Если Ветеринара толстуха — у него!

Проня, слепо лупя глаза в темноту, с головокружением сел и протянув руки потихоньку взял кошку. Кошка, ожидая нежности, стала тихонько мурчать.

— Вот беда, как же узнать моя или его?

Свою он почему-то не помнил вообще, Ветеринара лучше конечно, но тоже не помнил. Пытаясь определить на ощупь начал её мять и наверно сильно надавил своими заскорузлыми пальцами ей на рёбра. Кошка громко мякнула и окарябав Проне руки прыгнула на пол.

— Что же делать, хоть караул кричи!?

Он совершенно ничего не слышал, кроме тиканья часов где-то вдаль.

— Интересно Ветеринар храпит, или нет? Должен храпеть, он же старый уже.

Но как ни прислушивался, храпа не слышал.

— Да значит дома. Наверно добрался на «автопилоте» и спать.

Он помнил, как дома стоит его кровать, и где относительно кровати включается свет. Плавнo опустив ноги на пол встал, растопырив руки и теперь почему-то плотно закрыв глаза, наверно по инстинкту, пошёл, как казалось в сторону выключателя. Однако, сделав три нетвёрдых шага воткнулся растопыренными пальцами в стену, больно согнув, указательный на правой руке. Чертыхнулся, сразу попросив прощения у Господа, и постояв в нерешительности держась за стену, не зная куда пойти, пошёл вправо по стене, как годовалый малыш.

Слава Богу, его хата! Он на ощупь определил свой старый шкаф с тридцатилетней подпиской журнала «Рыболов-охотник». Совсем убедился ткнувшись в открытый антресоль, который не мог сделать уже год, и наконец нащупав включил свет.

Слава Богу! С минуту стоял с закрытыми глазами, потом открыл и радостно вздохнул: « дома!»

Дверь в кухню была закрыта, окно, почему то задернуто.

Кто его укладывал Проня решил не вспоминать, голова лопалась.

Он, стараясь не скрипеть, вышел в кухню и увидев, что бабкина дверь тоже закрыта включил свет. К горлу подкатывала тошнота и наплывами кружилась голова. Не пив так давно, он терялся в похмельных ощущениях и вдруг решил : «похмелюсь!»

Достав трёх литровую банку с остатками самогона, налил полстакана и поискав глазами чем закусить, увидел банку помидор под дверью, на порожке. С радостью отпил несколько больших глотковпряного рассола и сев за стол стал доставать помидор.

Рука не лезла. Вытянув большой и указательный палец чуть-чуть ухватил помидор, как щипцами стал вытягивать плавно вверх. Но пальцы с томатом не пролазили, и он сильнее потянув руку, раздавил помидор и уронил его обратно в банку. С сожалением сглотнул слюну предвкушения и вспомнив вдруг, что есть ложка с радостью взяв её, достал изломанный овощ. Уже подняв стакан, хотел сказать что-нибудь глупое, но вспомнил Сказку и выпил молчком. Всосал враз весь помидор и во рту выжал его до шкурки.

Хмель, плавно из живота, теплом прошёл по телу, почти сразу расслабив натянутые мышцы. Голова просветлела через две минуты, и исчез противный

звон в ушах. Проня вспомнил это ощущение радости и лёгкости, обманное чувство сразу эйфории, которое требовало ещё алкоголя. Слабые духом поддавались этому чувству и уже через какое-то время не могли себя контролировать, через полгода ничего уже не желая кроме этого. Проня никогда не позволял себе опохмел на «другой бок» вовремя натягивая вожжи, вот и сейчас немного поборовшись с желанием ещё выпить, отставил банку. Закрыв глаза посидел не шевелясь несколько минут и поднявшись решил проведать бабку.

Пройдя на носочках, приоткрыл дверь и, заглянув увидел, что у неё светло, а сама полусидит на подушке сложив руки на животе. На удивление она повернула голову повязанную платком в его сторону.

— Не спишь? — И заметив растерянность Прони тихим голосом продолжала, — что это ты в загул ударился на старости лет? Дождался пока ослабну и решил догулять, что не догулял. Может у вас с другом твоим Ветеринаром и бабушки появились так, на всякий случай?

Проня за последние дни уже забывший бабкин голос так обрадовался, что не поняв вопроса закивал головой.

— Так, так! Всё хорошо. Позову и бабушек и Ветеринара, ты только поднимайся, на Новый Год и телевизор купим, и ещё чего. Одыбывайся тяжело без тебя бабка, сил нету тяжело...

Проня не умея говорить красивые или точнее добрые слова, мялся не находя себе места, и глупо улыбался.

— Чичас управлюсь, там и Катерина подойдёт, молодец бабка тоже, всё же нашла подход к твоей болезни!!! Ты не волнуйся, всё хорошо, всё.

Он задом вышел из комнаты и плавно закрыл дверь. Вздохнул полной грудью, топнул ногой и осмотрев комнату погрозил банке с остатками первача. — Вот, а ты говоришь — красота! — и улыбаясь стал одеваться.

* * *

Утром, включив везде свет, Проня быстро сходил за дровами и растопил печь. Не забыв про собаку: намяв в миску картошки и наломав в неё хлеба, залил холодным супом, вспоминая, когда же он его варил. Вобла почему-то не встретила его, как обычно, радостно виляя хвостом — лежала в будке, положив голову на лапы. Проня присел рядом на корточках.

— Ну, а ты что? Поди, не нравится, что я вчера выпил? Это надо же, — не угодил! Пока жил с вами тремя один, терпел соблазны, был хороший! А тут раз выпил, когда нельзя было не выпить, и не угоден. Ну, и ладно, ешь давай...

Он поставил чашку у будки и пошёл в свою небольшую столярку, где занимался разным деревянным рукоделием долгими зимними днями. Растопив небольшую железную печурку и, подложив в неё несколько берёзовых полешек, плотно прикрыв дверь, зашёл в сарай. Здесь у него стоял двухметровый брус, слегка потемневший от времени. По-хозяйски оглядев его, Проня, затащил его в столярку...

Вещунья в это время рассказывала Капе, «что видела своими глазами»:

— Иду от тебя, когда Проню уложила, слышу, у ветеринара кричат. Подхожу ближе, а это он песни поёт под баян. Поёт красиво, но громко. Я в сенцах послушала, постояла немного, даже всплакнула. Только зайти стесняюсь, посмотреть, перед кем это он разоряется. Вышла — и в палисадник, благо, снегу мало. Заглянула в кухонное окно: «батюшки святы!», он шпарит с закрытыми глазами, поёт, рыдает, а на стуле напротив — кошка! Огромная, чёрная, как смоль, глаза зелёные, и улыбается. Веришь, нет, довольная, и даже подпевает ему, по-моему. Я к окну прилипла, а кошка пела-пела и зырк на меня, словно огнём лицо мне обожгло. Не помню, как до дома добежала, закрылась, трясусь. Хорошо, дед дома, а то бы со страха померла. Вот те крест, не вру!

Капа слушает и уже весело, в голос, смеётся. Катерина машет рукой и начинает хозяйничать.

... Ближе к обеду Проня вынес из столярки освежённый рубанком брус и аккуратно вкопал его в заранее приготовленную ямку у небольшого холмика, насыпанного над Сказкой. Прихлопал землю, подровняв холмик, и, удовлетворенно вздохнув, протёр от налипшего снега надпись на фанерной табличке, укреплённой на брус:

Сказка.

Лучшая лошадь.

1966 – 2011 гг.

п о м н ю.

* * *

В конце декабря Проня, взяв в помощники возмущающегося Виталия Фомича (ветеринара), направился в магазин за накануне заказанным телевизором. Виталий Фомич, от пуза наевшийся капустных пельменей со сметаной и чёрным хлебом, умолял друга не торопиться.

— Я, Проня, жизнь прожил здоровым, знаешь, почему? А потому что, что бы ни случилось, но после обеда часок, да сосну! Всегда. И тем более мне обидно, что, уже уверовавши в этот замечательный способ от болезней, я сейчас с тобой прусь в этот магазин. И, возможно, даже буду напрягать спину, поднимая телевизор. Они знаешь, какие. Вон у меня полупроводниковый цветной в моём детстве весил килограмм тридцать, наверно. А сейчас уже все тридцать пять из-за пыли, в нём скопившейся. Но, хотя он разогревается час, выбрасывать его жалко, пусть уж стоит. Без него угол пустой будет.

Проня терпеливо объяснил, что заказал новый «жидкокристаллический», чуть не сломав язык, выговаривая.

— Диагональ 80 сантиметров и антенна-тарелка, сто каналов, а стоит это чудо тридцать пять тысяч рублей. За эти деньги раньше можно было «Волгу» купить и два «Жигулёнка»!

Ветеринар внимательно, но лукаво поглядев на Проню, многозначительно заметил:

— Уважаю! Идём!

В магазине их, оказывается, ждала сервисная служба: посадив дедов, лёгкая «ГАЗель» направилась к Прониному дому.

Пока ехали, Проня всё пытался что-то спросить, но не осмеливался. Ветеринар же, наоборот, интересовался: почему им сразу не везут телевизор. Те, посмеявшись, указали на картонную коробку, плоскую, как стол.

— Не может быть, — ветеринар недоверчиво хмыкнул, — мой телевизор размером с мартеновскую печь, в которой железо раньше плавил. Такой же большой и горячий, и цвет всё больше красный из экрана...

— Да ты, дед, деньги давай, мы тебе такой же привезём, не печалься.

Ветеринар отказался, мотивируя тем, что погодит, пока не убедится в качестве Прониной покупки. Парни быстро приладили маленькую антенную тарелку к фронтону и, занеся телевизор в дом, распаковали его. Вкрутив два штыря в стену, повесили аппарат. Потом дали хозяйке в руки пульт, научили, как им пользоваться, и баба Капа со страхом нажала указанную кнопку. Комната осветилась всеми цветами радуги, и на экране начались действия, одно краше другого. Все возрадовались, мастера пожали дедам руки и испарились, как джинны. Пока обсуждали покупку, пока чуток «обмывнули» её в бане,

пролетело более часа. Вернувшись в дом, деды убедились, что Капа не пролистала и половины каналов.

— Здесь есть и про зверей, и про спорт, и сказки, и картины... — бабка увлечённо рассказывала, привскакивая на кровати от восторга.

Ветеринар, глядя на довольную Капу, предложил Проне:

— Пойдём, сосед, примем ещё по граммульке, и можешь насовсем переходить в свою комнату, ведь бабке ты больше не нужен. У неё теперь сто, этих, как его, каналов...

В бане, опрокинув по стопарику, долго сидели молча, погружаясь каждый, в свои мысли.

— А знаешь, Проня, — вдруг оживился гость, — может, я, правда, из соседней деревни Глашку Игнатову привезу. Я её давно знаю, но у неё раньше муж был, — ветеринар заулыбался, смущённо опустив глаза, — а теперь овдовела. Она мне нравилась, и я — ей.

Проня встрепенулся:

— Ты кого, как кот старый, щеришься — говори по делу. Что-то решил и юлишь передо мной, как перед этой самой Глашкой! Фофан!

Ветеринар обиделся:

— Да дочь её приехала вчера в наш магазин и ко мне зашла. Говорит, мать просила спросить, как я поживаю. Ну, ведь не зря интересуется. Вот я и предложил передать Глаше — пусть приезжает в гости. Буду, мол, рад приветить, да и вспомнить есть чего. Мне ведь, Проня, снится уже, что я Мурку свою под венец уговариваю. А она мне, скотина толстая, говорит языком своим кошачьим, но почему-то понятным: «Какое у вас приданое, Виталий Фомич, кроме тёплого туалета? И могу ли я всерьёз рассчитывать на денежное довольство после вашей скоростижной смерти по причине слабого сердца?» Я в поту проснулся от страха, а она, Мурка, на моей подушке спит, а я, мордой в неё уткнувшийся, с полным ртом шерсти её да ещё и с блохами, наверно! В общем, определил я её пока в сарай, потом видно будет. А Нинка говорит, что мать хочет на Новый год ко мне приехать с okazji, может, поживётся?

Ветеринар участливо глядел теперь на Проню.

Тот, подумав, налил понемногу в стопки и предложил:

— Посошок! И вот ещё что: ждём тебя с твоей Глашей к нам на Новый год. Мы же, наверно, лет десять Новый год вместе не справляли, а? А это повод и почин добрый.

Они чокнулись, выпили, и ветеринар, пожав руку Проне, пошёл домой.

* * *

Ночью Проне, уснувшему в чуть хмельном состоянии, посмотревшему ещё с бабкой кино про большую обезьяну, снился ветеринар с кошачьими усами. Он был похож на бравого гусара и даже выпячивал грудь, но обут был почему-то в валенки. Проня ничего не спрашивал, но ветеринар сам объяснил: «Чтобы когти не стучали».

Проня во сне не хотел иметь с ним дела, но ветеринар тормозил его, приговаривая:
«Проня, Проня...»

Он открыл глаза и увидел бабу, в ночнушке, без платка, с рассыпанными по плечам волосами, в протянутой руке — телефон.

— Проня, сын, сын звонит... Бери, радость какая!

Он схватил телефон и, отвыкший от него, заорал:

— Алё! Алё!

Тут же услышал знакомый до боли голос Фёдора:

— Привет, отец, рад тебя слышать живым-здоровым...

Проня, опомнившись, громко затараторил:

— А я хочу тебя не слышать, а видеть, сын, пойми. Мы с матерью уже сдурели здесь одни! Приезжай: кто знает, сколько нам осталось...

— Да я поэтому и звоню. Мы собираемся к вам все вместе. Захар же нашёлся, отец! Он на китобое ходил, потом в японскую тюрьму угодил. Он едет ко мне, и мы все вместе — к вам! Обними мать, на Рождество будем...

Телефон запищал и умолк.

Кто сказал, что от радости не умирают?! Другое дело, что это очень обидно: не от горя, а наоборот.

Проня почувствовал, как волна непередаваемого счастья нахлынула, сбив дыхание. Он сел на кровати и прижал к себе Капу.

— Помоги мне: не задохнуться бы... — и Капа гладила его седую голову, как в юности, радуясь ему...

Проня поднял глаза, полные незамутнённой влаги:

— Бог есть! Его не может не быть, если такие дела происходят в этом мире, — и, уткнувшись ей, такой нужной, в плечо, выдохнул: — Как же я счастлив, мать!